

ПАРДЕС

An abstract line drawing of a horse's head and neck, rendered in a sketchy, gestural style. The lines are thin and black, creating a sense of movement and form. The horse's head is the central focus, with its neck extending downwards and to the right. The drawing is composed of several overlapping, fluid lines that define the horse's features, such as its eye, ear, and mane.

DAVID HOPEN

THE ORCHARD

ДЭВИД ХОУПЕН

ПАРДЕС

роман

Перевод с английского
Юлии Полещук

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)
X85

THE ORCHARD by DAVID HOPEN

Copyright © 2020 by David Hopen

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Brandt & Hochman Literary Agents, Inc.
и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Перевод с английского Юлии Полещук
Редактор Любовь Сумм
Консультант Дмитрий Цвибель

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Дэвид Хоупен

X85 Пардес: Роман / Пер. с англ. Ю. Полещук. — М.: Фантом Пресс, 2023. — 560 с.

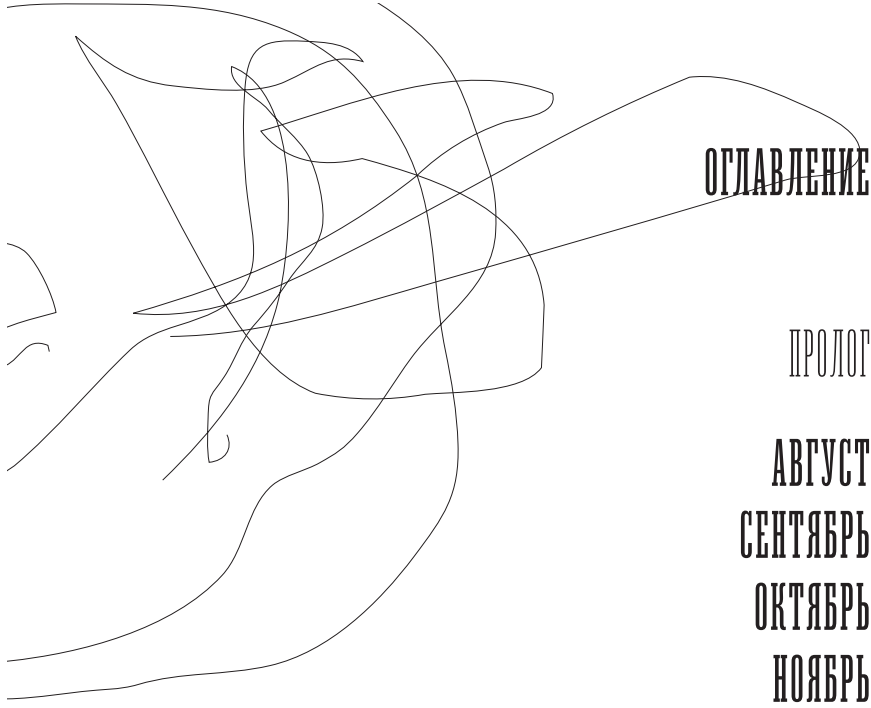
Жизнь Ари Идена всегда подчинялась строгим правилам. В ультраортодоксальной общине Бруклина его дни посвящены лишь учебе и религиозным ритуалам. Ари очень одинок и только рад, когда его семья перебирается в солнечную Флориду. В новой школе все иначе, иудаистику и ритуалы там тоже изучают, но в целом это обычная и очень хорошая школа. Ари быстро вливается в компанию друзей, погружается в удивительную и прежде неведомую ему атмосферу свободы. Его новые друзья харизматичны, умны, дерзки, для них жизнь не ограничивается какими-то рамками. И постепенно Ари из закомплексованного ученика еврейской школы превращается в человека, который пытается отыскать свой особенный путь в мире чувств, желаний и соблазнов. Всех героев романа Дэвида Хоупена манит Пардес, мистический сад, где человек обретает истинное знание, приближается к Богу и к собственной сокрытой под внешними покровами сути.

“Пардес” — глубокий, наполненный смыслами роман о постижении себя, о поисках истины, о любви, как всеобъемлющей, так и романтической, о том, какие силы определяют нас: пьянящие отношения юности, очарование унаследованных традиций или же наши скрытые желания. Дебютный роман Дэвида Хоупена сравнивают с книгой Сэлинджера “Над пропастью во ржи”, но его можно поставить в один ряд и с другими, очень разными книгами — “Волхвом” Джона Фаулза и “Тайной историей” Донны Тартт, книгами, в которых поиски себя уводят в лабиринт, психологический или философский.

ISBN 978-5-86471-927-5

© Юлия Полещук, перевод, 2022
© Андрей Бондаренко, оформление, 2023
© “Фантом Пресс”, издание, 2023

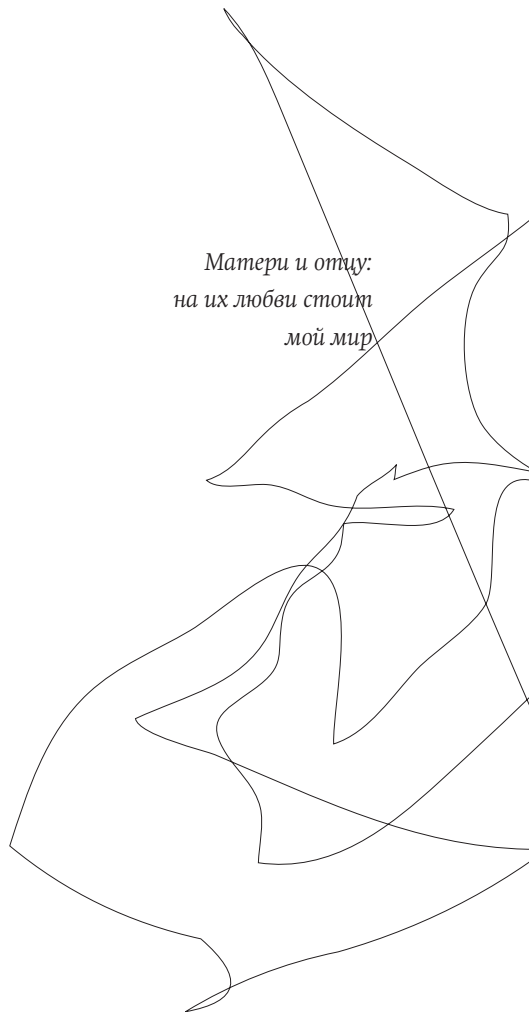

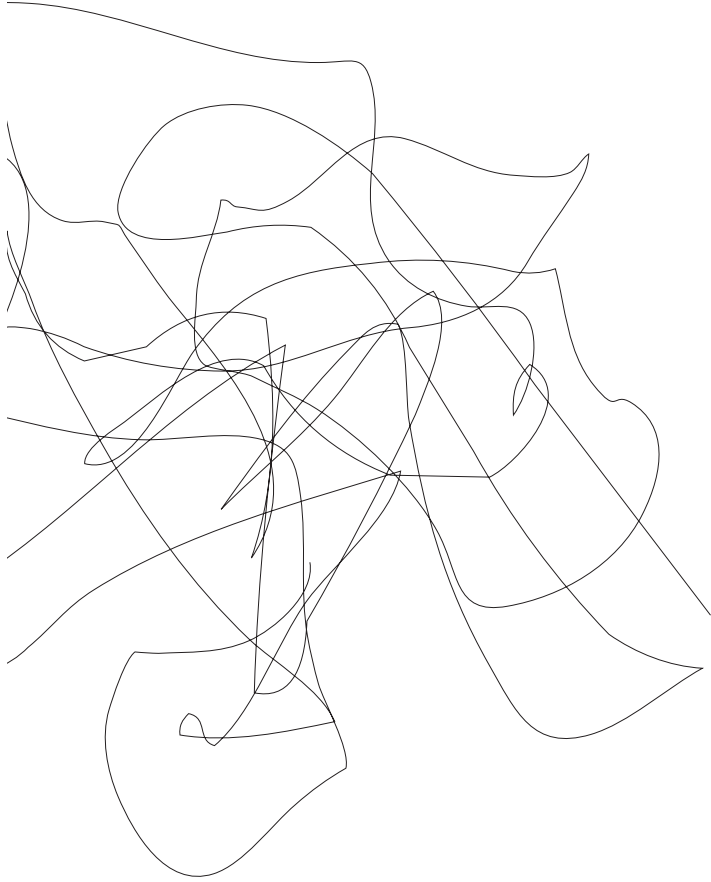

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	11
АВГУСТ	13
СЕНТЯБРЬ	96
ОКТЯБРЬ	179
НОЯБРЬ	255
ДЕКАБРЬ	296
ЯНВАРЬ	339
ФЕВРАЛЬ	364
МАРТ	410
АПРЕЛЬ	447
МАЙ	474
ИЮНЬ	518
ЭПИЛОГ	545
БЛАГОДАРНОСТИ	557

*Матери и отцу:
на их любви стоит
мой мир*

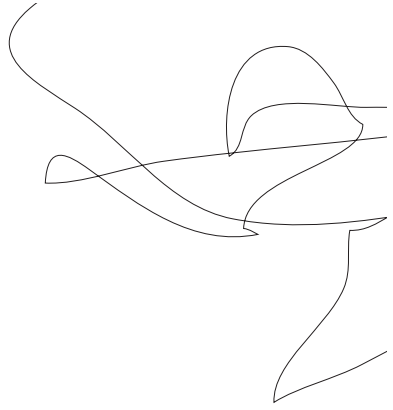
Четверо вошли в Пардес: Бен-Азай, Бен-Зома, Ахер и рабби Акива. Бен-Азай глянул — и умер; о нем Писание говорит: “Дорога в глазах Господа смерть тех, кто предан Ему”. Бен-Зома глянул — и повредился в уме, и о нем Писание говорит: “Мед нашел ты — ешь в меру, а то пресытишься им и его изрыгнешь”. Ахер — порубил посадки; рабби Акива вошел в мире и вышел в мире.

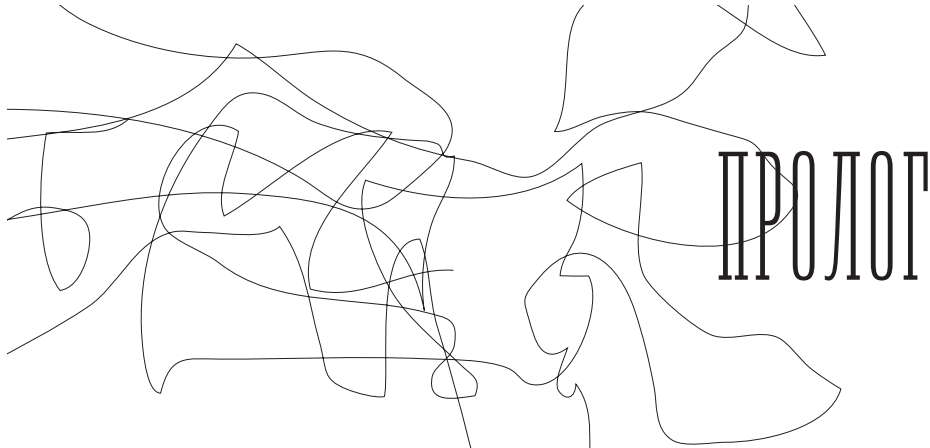
Вавилонский Талмуд (Хагига, 14б)

Уйти во тьму, угаснуть без остатка,
Не знать о том, чего не знаешь ты,
О мире, где волненье, лихорадка,
Стенанья, жалобы земной тщеты;
Где седина касается волос,
Где юность иссыхает от невзгод,
Где каждый помысел — родник печали,
Что полон тяжких слез;
Где красота не доле дня живет
И где любовь навеки развенчали.

Джон Китс. “Ода соловью”¹

1 Перевод Е. Витковского. — Здесь и далее примеч. перев.

— Трагедия мертва?

Вот о чем я спросил миссис Хартман, когда все закончилось, мне тогда не давали покоя любые роковые ошибки, кроме собственных.

Она не уточнила, почему меня это интересует. Попросила лишь сформулировать, что такое трагедия. Я ответил, что это невозможно: трагедия — не философия, ее не сформулируешь, ее можно только почувствовать.

Миссис Хартман покачала головой.

— Возвышенная грусть, — сказала она. — Вот что такое трагедия.

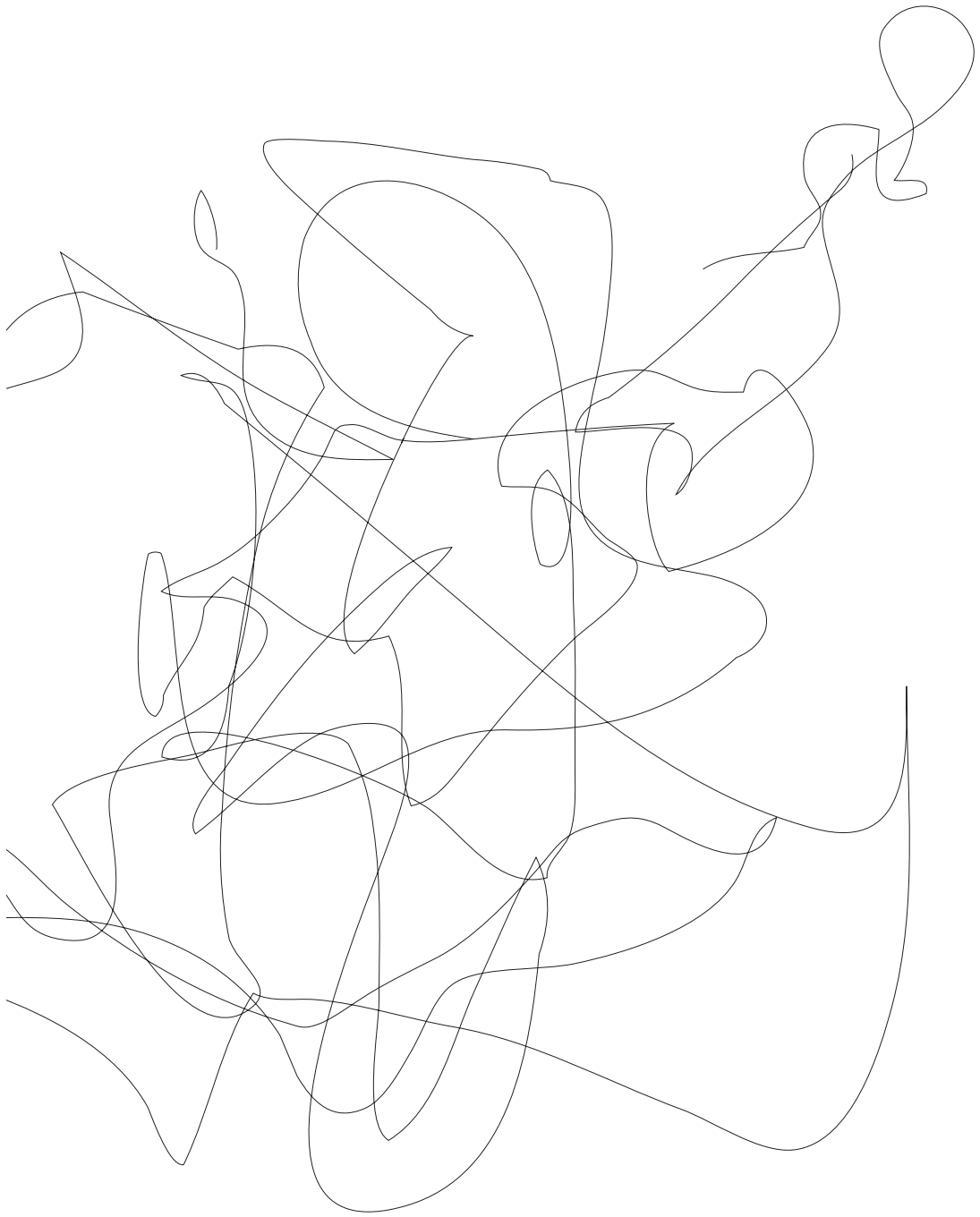
Я раздумывал об этом в ту ночь, в самые последние мгновения, стоя бок о бок с Эваном и Амиром перед полицейскими, пожарными машинами, телами погибших. На перепачканном сажей лице Эвана застыло странное выражение.

— Интересно, видит ли это Ноах, — печально и тихо проговорил он.

После всего, что было в наш последний учебный год, я почему-то вдруг расплакался от того, как он это произнес. Если это не возвышенная грусть, подумал я, тогда что же.

— Ну как, мистер Иден? — Миссис Хартман моргнула. — Умерла она с греками?

— Нет, — ответил я. — Вряд ли.

*В путь, друзья.
Еще не поздно новый мир искать.*

Альфред Теннисон. “Улисс”¹

Первые семнадцать лет моей жизни прошли в Бруклине. С детского сада по одиннадцатый класс — туманные доисторические годы — я посещал маленькую ешиву “Тора Тмима”, перевод названия которой, “Тора совершенна”, был нашим кредо. Занимались в школе только мальчики, в каждой ступени по тридцать учеников в черно-белой форме, — правда, “образованием” это можно назвать с натяжкой, скорее, пародией на него. Раввины говорили только на идише и наотрез отказывались преподавать все, хоть как-то связанное с эволюцией. Бывшие хиппи, вырванные с улиц, неспособные найти работу в обычной школе, распинались перед нами о правах и обязанностях граждан. Уроки математики оборвались в девятом классе: мистер Альварес, единственный компетентный учитель, решил, что сыт по горло нашей чудесной страной, и вернулся в Аргентину. Тора была совершенна, наше образование — нет.

Впрочем, общину это ничуть не смущало. Все прекрасно понимали, что это в первую очередь ешива и лишь во

¹ Перевод И. Мандела.

вторую — школа, и главная ее цель — “неуклонное развитие учеников, которые должны стать современными знатоками Торы”, ну и, если останется время, хвататься в светских предметах. Большинство выпускников годами бесцельно скитались по стране, учились то в одном, то в другом *бейт-мидраше*¹, там, где некогда занимались их отцы, где почетным меценатом числился троюродный дядя, — да, в общем, везде, где им предлагали ночлег. О колледже никто не задумывался. Я лишь теперь понимаю, что это и есть прекрасная жизнь.

Мои родители жили как все — по крайней мере, тогда. Отец работал бухгалтером в маленькой местной фирме — таких, пожалуй, в общине было меньшинство, остальные отцы день-деньской изучали или преподавали Тору. Но, несмотря на это, мой отец считал себя образованным человеком, любил напомнить мне, что мой дед был довольно-таки известным в Уильямсбурге раввином из рода талмудистов средней руки, и в свободное время увлеченно учился. Профессия его была безмерно скучной, но он довольствовался своим уделом и питал слабость к благочестивым обобщениям: “Боящимся Бога песчинкам в бескрайней вселенной завидная карьера ни к чему”. Коротко говоря, он идеально вписывался в нашу общину: седеющие волосы, усталая улыбка — я не знаю человека проще.

Мать — худощавая, изящная (с некоторыми женщинами уходящая молодость никак не может расстаться) — была незауряднее отца. Ее родители, чикагцы в третьем поколении, соблюдали традиции с пятого на десятое: время от времени собирались за шаббатней трапезой, в Дни трепета² ходили в синагогу, свинины не ели, но омарами³ не брезговали.

1 Место изучения Торы, Мишны, Талмуда и послеталмудической раввинистической литературы.

2 Период от Рош ха-Шана до исхода Йом-Киппура.

3 Омары считаются некошерными, как все моллюски и ракообразные.

На первом курсе Барнарда¹ она съездила в Израиль (поездку оплачивал “Гилель”²) и как-то в одночасье прониклась идеями духовного самосовершенствования, моральной дисциплины и общинной жизни, которые предлагал ортодоксальный иудаизм. Вернулась она обновленной, пошла в ученицы к местной ребецн, усвоила *мицвот*³, становившиеся все сложнее, и к концу осеннего семестра перевелась в Стерн⁴. Вскоре ей устроили *шидух*⁵ с моим отцом.

Меня всегда живо интересовало мамино чикагское детство, но она мало что рассказывала. Уверяла, будто бы толком ничего не помнит. На все свои вопросы — каково это, не соблюдать кошер и субботу, ходить в обычную государственную школу, — вместо разумных ответов я получал нагоняи, в основном от отца: помалкивай о том, что мать *баалат-тшува*, то есть неофитка. Мать утверждала, что настоящая ее жизнь началась только с моим отцом. После свадьбы она получила диплом магистра в Тичерс-колледже⁶ — редкость среди матерей моих знакомых. Она вела занятия у четвертых классов “Тора Тмима” и сама видела, как скверно учат в нашей ешиве.

— Арье, — сказала она в пятом классе, когда выяснилось, что мой учитель воспринимает обязательный список художественной литературы как личное оскорбление, — расширять свой кругозор — это нормально.

Каждый день после уроков мы с мамой шли в библиотеку Боро-Парка⁷. Я поглощал книги, которые она предлагала, — “Убить пересмешника”, “Приключения Тома Сойера”,

1 Барнард-колледж — частный женский гуманитарный колледж в Нью-Йорке, один из старейших и самых престижных на Восточном побережье.

2 “Гилель” — крупнейшая еврейская молодежная организация в мире.

3 Заповеди, предписания (*ивр.*).

4 Колледж Стерна — ешива для женщин в Нью-Йорке.

5 Шидух — знакомство потенциальных супругов, которое устраивает шадхан, сват.

6 Один из колледжей Колумбийского университета.

7 Район в юго-западной части Бруклина.

“Цветы для Эджернона”, “Излом времени”¹. Вскоре я после школы в одиночку ехал в библиотеку на велосипеде и устраивался в уголке; библиотекарь, миссис Сандерс, с ангельски-серебристыми волосами и кошачьими глазами, оставляла мне стопки “обязательных” книг. “Их никто не читает, — говорила она. «Ночь»². «Смерть коммивояжера»³. — Наверстывай за всех”. Эмили Дикинсон как-то написала, что ее отец читал “одинокие и строгие книги”. Вот и я превратился в задумчивого подростка, вечно окруженного одинокими строгими книгами.

Так я получил хоть какое-то подобие образования. На уроках английского я всегда выделялся — пусть потому лишь, что пугающее число моих одноклассников были почти неграмотны. Их родители довольствовались тем, чему нас умудрялись научить в школе (то есть на удивление малым), они вообще предпочли бы, чтобы их отпрыски занимались исключительно Талмудом.

— Что ты делаешь в библиотеке? — спрашивал мой друг Шимон. У него были до смешного длинные пейсы, которые он оборачивал дважды вокруг ушей, и доброе тонкое лицо, неизменно покрытое прыщами; рубашка его представляла собой мозаику клякс от обеденного кетчупа и пятен грязи от возни на перемене. — У тебя там какой-то *шиур*?⁴

— Думаешь, в библиотеке учат Гемару?⁵

— Угу.

Я покачал головой.

— А что тогда?

— Там книги, Шимон.

— *Сфарим*⁶, что ли?

1 Роман американской писательницы Мадлен Л’Энгл (1918—2007).

2 Книга о Холокосте американского писателя Эли Визеля (1928—2016).

3 Пьеса американского драматурга Артура Миллера (1915—2005).

4 Урок (*ивр.*).

5 Свод дискуссий и анализов текста Мишны. В обиходе Гемарой часто называют Талмуд в целом и по отдельности все составляющие его трактаты.

6 Священные тексты, написанные на иврите или арамейском.

— Нет, — ответил я. — Настоящие книги. Хочешь со мной?

Он нахмурился:

— Мне нельзя.

— Почему?

— Отец говорит, такие вещи пятнают *нешаму*¹.

Я люблю одно стихотворение Джейн Кеньон. Три строфы, десять строк, довольно грустное. Называется “В доме престарелых”, старение в нем уподоблено дикой лошади, которая пасется на привязи и день ото дня сужает круги, так что в конце концов они исчезают вовсе. В отрочестве мне казалось, что оно очень точно описывает душу моего детства, нехоженую пустоту сжимающихся кругов, в которой я обитал. Порой мне представлялось, что я совсем один, вне мира, ни с кем и ни с чем не связан, точно незримые помочи, соединяющие человека с его окружением, в моем случае ослабли. Я ни с кем не был связан, приучился карабкаться по сжимающейся действительности без крюков и веревки. Мне оставалось лишь вглядываться в надвигающийся мрак и терпеливо ждать в одиночестве, словно лошадь у Кеньон, когда какая-нибудь сила, любая сила, заберет меня и перенесет в мою настоящую жизнь.

Родители сообщили мне новости в феврале, посреди тусклого снегопада.

— Арье, — отец нервно отложил приборы, промокнул губы салфеткой, — мы с *имой*² хотим с тобой кое-что обсудить.

Как правило, мы ели в тишине. Я был единственным ребенком, мать подавала на стол, поначалу мы, как положено, поддерживали беседу, но потом всегда замолкали.

¹ Нешама — душа (*ивр.*).

² Има — мама (*ивр.*).

В большинстве знакомых семейств была куча детей (у Шимона, например, было семеро братьев и сестер), и все это в маленьком доме; обычно мне нравилось, что я сам по себе, но порою я невольно думал: быть может, в такой суматохе мне было бы менее одиноко.

Отец кашлянул.

— Я потерял работу.

Меня охватила грусть от его растерянного вида, от того, как мама пристально разглядывала грязное пятнышко на полу, от серой унылой метели за окнами. Я ничего не сказал, надеясь, что молчание мое истолкуют как сочувствие, а не как равнодушие.

— Тебя уволили? — наконец нашелся я (пожалуй, вопрос мой прозвучал бестактно).

— Формально нет. — Папа снова откашлялся, набираясь решимости. — В августе фирму закрывают.

Четырех человек в тесной сумеречной каморке во Флэтбуше вряд ли можно назвать “фирмой”, подумал я.

— То есть... сворачивают деятельность?

— Времена сейчас трудные, Арье, в экономике кризис.

Угу, кивнул я, в экономике.

— Мистер Вайнтрауб говорит, что ему придется нас закрыть.

— Кошмар, — мама теребила скатерть, — правда, Арье?

— Мне жаль, *аба*¹, — сказал я.

Мне правда было жаль: отец человек порядочный, благородный, готовый недосыпать, никогда не пропускать миньяны², не брать больничных, не жаловаться, что большая часть его скудного заработка уходит на оплату моего обучения. В общем, по моему мнению, он ничем не заслужил такого унижения.

— Наверняка ты скоро что-нибудь найдешь.

¹ Аба — папа (*ивр.*).

² Миньян — группа из десяти (или более) мужчин для совершения богослужения или проведения религиозного обряда.

— Дело в том, Арье, — ответил он, — что здесь работы толком нет.

Я провел пальцем по кромке стакана с водой.

— Может, мистер Вайнтрауб тебе что-нибудь подыщет?

— Он тоже остался не у дел, *небех*¹. Но мне кое-что предложил один из деловых партнеров дяди Нормана.

— Дяди Нормана?

Папин старший брат, тучный, лысеющий тип, славился тем, что умудрялся вкладывать деньги в самые провальные затеи: закоптелый кошерный стейк-хаус, разорившийся через два месяца; только что открывшуюся прачечную самообслуживания в Куинсе; компанию, торговавшую неисправными пылесосами. Отец, как и большинство разумных членов его семейства, старался не связываться с Норманом.

— Ты доверяешь знакомым Нормана?

— Воздержусь от *лашон ара*². — Он примолк. — Но если честно, нет, конечно. Впрочем, мистер Вайнтрауб человек достойный. И мистер Вайнтрауб поручился за этого знакомого.

— А. — Я неуверенно взглянул на мать, надеясь, что она объяснит мне причину такой спешки. — Тогда хорошо.

Мама снисходительно улыбнулась.

— Ничего особенного, но платят больше. *Барух ха-Шем*³.
(Пауза.) Правда, есть одно “но”.

Я поднял брови:

— Какое?

— Работа эта не в Бруклине.

— А где? В Нью-Джерси?

Папа покачал головой:

1 Увы, к сожалению (*идиш*).

2 Лашон ара — запрет произнесения любых слов, которые унижают других: сплетен, наговоров и прочего, в случае если они правдивы. Папа Арье фактически говорит: “Не хочу отзываться о нем дурно”.

3 Слава Всевышнему (*ивр.*).

— В Южной Флориде. В городе под названием Зайон-Хиллс.

— Во Флориде?

— Там гигантская еврейская община. Дядя Норман говорит, арендная плата там меньше, да и жилье лучше. Ему уже пригласили на собеседование в тамошнюю начальную школу.

— Причем эта школа может себе позволить такую роскошь, как грамотность и туалеты для учителей, представляешь? — Мама выдавила радостную улыбку. — Да и для старших классов там элитарная ешива. У нее блестящая репутация.

Я вдруг поразился тишине нашего дома — тяжелой, глухой. Я взглянул на отца и вернулся к еде.

— Ладно.

Наверное, тон, каким я это сказал, тот факт, что столь значительное решение не вызвало во мне отклика, можно было счесть тревожным признаком: на душе у меня неспокойно. Я редко смотрел фильмы, ведь это же Боро-Парк, там опасаются духовной заразы, но я знал, что в кино это наверняка был бы напряженный момент. Однако сам ничего такого не чувствовал — ни грусти, ни страданий из-за неожиданных перемен. Напротив, мысль о том, что я освобожусь от нескончаемого однообразия моего нынешнего существования, будоражила, точно предвкушение побега. Я устал от неизбывной, неумолимой чеховской скуки, устал сидеть в одиночку в библиотеках и сожалеть о том, что мне не дано изведать, — о мучительной любви, великих странствиях и *ностосе*¹. Где-то там, далеко, думал я, кипит лучшая жизнь, полная не только отголосков, но и звуков счастья. Бэкон утверждал, будто бы все люди поклоняются “идолам пещеры”, то бишь тем верованиям, из которых и складывается наша натура и — по крайней мере, в моем случае — наш

¹ Ностос — мотив в античной литературе, возвращение героя на родину.

провал. Мои же идолы, как я теперь понимаю, были таковы: глубинное презрение к серому на сером¹ и нетерпимость к тому, что Фрейд называл “заурядно-безрадостной жизнью”.

Родители недоуменно переглянулись.

— Ладно?

— В смысле, я не возражаю, — сказал я.

— Быть может, тебе нужно подумать, — предположил отец.

— Меньше всего нам хочется вырывать тебя из привычного окружения, — добавила мать.

— Мы всё понимаем, — продолжал отец. — Если нужно, я могу на год найти какую-нибудь другую работу, пока ты не окончишь школу. Возможно, нам придется туговато, но мы ведь верим в *ашгаха пратит*², верно? *Хашем*³ порой устраивает все так, как и не ожидаешь.

Мать взяла меня за руку:

— Мы понимаем, что здесь вся твоя жизнь.

Я покачал головой:

— Я хочу уехать.

Я опустил глаза и продолжил жевать. На улице белел снег и сверкал лед.

Ребятам я рассказал обо всем лишь в июне, в наш последний день в одиннадцатом классе. Мы сидели на площадке за школой. На качелях Шимон, Мордехай и Реувен спорили о Гемаре, которую мы изучали: при каких условиях можно нарушить шаббат, чтобы спасти жизнь.

1 Аллюзия на цитату из предисловия Гегеля к “Философии права”: “Когда философия начинает рисовать серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек”. В данном контексте серое на сером — синоним скуки.

2 Божественное провидение (*ивр.*).

3 Дословно — “имя” (*ивр.*). Здесь: Всевышний.

Литературно-художественное издание

ДЭВИД ХОУПЕН
ПАРДЕС

18+

Роман

Перевод Юлия Полещук

Редактор ЛЮБОВЬ СУММ

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректоры ОЛЬГА АНДРЮХИНА, ОЛЕСЯ ШЕДЕВР

Компьютерная верстка ЕВГЕНИЙ ДАНИЛОВ

Главный редактор ИГОРЬ АЛЮКОВ

Директор издательства АЛЛА ШТЕЙНМАН

Подписано в печать 07.03.23 г. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 35,0. Заказ № 0809/23.
Тираж 3500 экз. Гарнитура “Свифт”.

Издательство “Фантом Пресс”:
Лицензия на издательскую деятельность код 221
серия ИД № 00378 от 01.11.99 г.
127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, 1700
Тел.: (495) 787-34-63
Электронная почта: phantom@phantom-press.ru
Сайт: www.phantom-press.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ООО “ИПК Парето-Принт”,
170546, Тверь, Промышленная зона Боровлёво-1, комплекс № 3 “А”
www.pareto-print.ru

По вопросам реализации книг
обращаться по тел./факсу (495) 787-36-41.

ISBN 978-5-86471-927-5

9 785864 719275 >